

Ли Вэньсю опустился сверху, и его горячее дыхание, коснувшееся шеи, отозвалось нервной дрожью. Се Синьцянь сжал веки и поневоле отвернулся.

Он и не подозревал, что этим лишь подставил самое уязвимое место.

Взору Ли Вэньсю открылась точёная шея, хрупкие ключицы, выступающий кадык и сползшая набок широкая футболка, обнажившая белое плечо.

Юноша дрожал от страха, но всё равно кротко подставлялся, искренне пытаясь помочь с «лечением». Эта покорность казалась невероятной.

И чем сговорчивее становился Се Синьцянь, тем сильнее в душе Ли Вэньсю разгоралась жажда разрушения.

Ему вспомнились съёмки в «Укрощении бури». Тогда Се Синьцянь, закованный по рукам и ногам в цепи, погружённый в ледяную воду, был полностью в его власти.

И что он сделал тогда?

Он касался его шеи, оставлял на теле рану за раной, смакуя каждую судорогу, каждый вырвавшийся стон. При всех, под холодным объективом камеры, он прикасался к коже Синьцяня, прикрываясь актёрской игрой.

Но всё это было лишь поверхностным касанием.

А теперь они в отеле на побережье. Вокруг — бескрайнее море, тишина и уединение.

Се Синьцянь безропотно лежит под ним — испуганный, смущённый, но невероятно отважный. Его фарфоровая кожа, мягкие губы и даже крошечная родинка за ухом — всё это принадлежало только ему.

Ли Вэньсю смотрел на юношу, и за его внешним спокойствием бушевал настоящий шторм.

Заметив, что мужчина замер, Се Синьцянь решил, что на этом всё закончилось.

Не дождавшись продолжения, он почувствовал, как бешено колотившееся сердце постепенно успокаивается. Спустя мгновение юноша медленно повернул голову и открыл глаза в полумраке комнаты.

По прогнозу в эти дни ожидали тайфун. На часах не было и пяти, но небо уже заволочли сумрачные тучи. Море утратило прозрачность, налившись густой, почти чёрной синевой,

сливающейся с грозовым горизонтом.

За окном свистел ветер, предвещая бурю.

В полутёмном номере Синьцянь едва различал силуэт Ли Вэньсю. Тот в белой рубашке склонился над ним, а лицо тонуло в глубоких тенях.

Обычно Ли Вэньсю вёл себя как безупречный джентльмен, и Синьцянь опрометчиво решил, что так будет и сейчас.

— Учитель Ли, вам лучше? — вежливо поинтересовался он. — Вы не могли бы меня отпустить?

Ли Вэньсю молчал, лишь пристально всматриваясь в него.

Не желая больше ждать, Синьцянь попытался высвободить руки, и мужчина, к удивлению, не стал препятствовать.

Обрадованный Синьцянь тут же опустил локти, упираясь в диван, чтобы подняться:

— Мне пора к себе, нужно повторить завтрашние сцены... А!

Едва он приподнялся, как сильный толчок бросил его обратно на подушки. Раздался невольный возглас.

Не успел он опомниться, как Ли Вэньсю накрыл его своим телом.

Взгляд мужчины был темнее ночи, а хватка — властной и непреклонной. Меньше чем за пару секунд он пресёк любые попытки сопротивления и жадно вёлся губами в шею юноши.

Синьцянь вздрогнул, широко распахнув глаза.

От прикосновения чужих губ по коже прошёл мощный разряд, разнёсшийся по всему телу и будто замкнувший все мысли в голове.

Почему всё повернулось именно так?

Разве «лечение» не завершилось?

Что Ли Вэньсю творит?!

Никогда прежде Синьцзянь не оказывался в подобной ситуации. В панике он попытался оттолкнуть мужчину, но тот перехватил его запястья и жёстко прижал их над головой.

Синьцзянь попытался брыкаться, но Ли Вэньсю легко пресёк и эту попытку, окончательно лишив юношу возможности защищаться.

Прежде чёрная пантера вытворяла с ним и более дерзкие вещи, и это казалось естественным. Но сейчас один лишь поцелуй Ли Вэньсю заставлял его капитулировать.

Руки обмякли, воля исчезла, а губы, хоть и оставались свободными, не могли вымолвить ни слова — он лишь судорожно глотал воздух...

Он никогда не видел такого Ли Вэньсю. Тот словно потерял контроль, превратившись в совсем другого человека.

Мягко, шаг за шагом, он сближался с ним, незаметно проникая в его жизнь, а теперь поставил в положение, из которого не было выхода.

Когда Синьцзянь опомнился, он понял, что попал в глубокую ловушку.

Почувствовав, что юноша прекратил сопротивление, Ли Вэньсю стал действовать ещё настойчивее, давая волю той жестокости, что привык подавлять.

Сколько это продолжалось — неизвестно, как вдруг в дверь постучали.

Синьцзянь, пребывавший в полузабытьи, мгновенно очнулся и распахнул глаза:

— Кто-то пришёл!

Но Ли Вэньсю и не думал останавливаться, подобно ненасытному хищнику.

— Учитель Ли, — раздался из-за двери голос ученицы Ло Юаньцзе, — режиссёр Ло хочет пригласить вас и учителя Се на ужин. Вы свободны?

Прижатый к дивану Синьцзянь оказался между двух огней: снаружи доносился вопрос, а прямо на ухо падало горячее, сбивчивое дыхание. Паника охватила его с головой. И тут его взгляд упал на умную колонку.

— Сяо Синьсинь! — в отчаянии выкрикнул Синьцзянь. — Включи «Приходит удача»!

— Поняла! Включаю «Приходит удача».

В то же мгновение комнату заполнили оглушительные ликующие мотивы:

«Удача придёт, принесёт нам любовь и радость~ Удача придёт, принесёт нам успех и счастье~  
Навстречу удаче, пусть процветание мчит по свету~»

Под этот взрывной народный хит Ли Вэньсю замер. Он медленно отстранился, хотя всё ещё прятал лицо на шее Синьцяня, тяжело и прерывисто дыша.

А колонка продолжала задорно греметь:

«Сложи тысячу журавликов, повяжи красную ленту~ Пусть добрым людям каждый день улыбается удача~ Ты трудишься на славу, ты здравствуешь и цветёшь~ Вся жизнь твоя наполнена улыбками и теплом~»

Ли Вэньсю: «...»

Под столь праздничный аккомпанемент весь романтический и тёмный настрой испарился без остатка.

Воспользовавшись паузой, Синьцянь мгновенно выскользнул из-под него, слетел с дивана и бросился к двери.

На пороге стояла Чэн Лисюэ — ученица Ло Юаньцзе.

Девушка лет двадцати в бейсболке, увидав его, сразу улыбнулась:

— Учитель Се, вы тоже здесь?

Синьцянь смущённо кивнул.

Чэн Лисюэ повторила приглашение.

Синьцянь, ещё не оправившийся от неловкости ситуации, заколебался.

Однако Ли Вэньсю к тому моменту уже вернул себе безупречно сдержанный вид — даже пуговицы на рубашке остались застёгнуты до последней. Подойдя к двери, он невозмутимо произнёс:

— Я с удовольствием.

— Я... — Синьцзянь замялся и кивнул: — Я тоже пойду.

— Отлично, тогда я пойду передам наставнику.

Чэн Лисюэ повернулась, чтобы уйти, но с любопытством оглянулась. Из щели не успевшей закрыться двери всё ещё доносились жизнерадостные рулады: «Приходит удача~»

Кто бы мог подумать, что у двух главных звёзд фильма такой... специфический музыкальный вкус.

\*\*\*

Ужинать отправились в закусочную с морепродуктами.

Всю дорогу Се Синьцзянь просидел молча. В его голове непрерывным хороводом крутились мысли: «А-а-а-а! Куда делась чёрная пантера?! Почему наяву лечение выглядит ВОТ ТАК?! Неужели теперь всегда так будет?!!»

Из-за этого он косился на Ли Вэньсю с какими-то совсем уж непередаваемыми чувствами.

Раньше ведь это было просто «лечение», чистые, ничем не запятнанные отношения двух мужчин! А теперь... А-а-а-а!!

Синьцзянь опустил голову и в досаде взъерошил волосы, превратив причёску в воронье гнездо.

— Сяо Се, ты чего? — улыбнулся сидевший впереди Ло Юаньцзе, заметив его метания.

Синьцзянь вздрогнул и выпалил первое, что пришло в голову:

— Слышал, тут готовить умеют... Боюсь переест и растолстеть.

Отговорка звучала вполне убедительно, ведь для роли ему требовалось сохранять худощавое телосложение.

Ло Юаньцзе рассмеялся:

— От одного ужина ничего не случится.

Синьцзянь кивнул и снова умолк.

И всё-таки, почему Ли Вэньсю держится так невозмутимо, будто ничего не произошло? Они ведь оба участвовали в этом!

Синьцянь украдкой бросил взгляд на мужчину, но тут же столкнулся с его взглядом. Испугавшись, он мгновенно отвернулся и уткнулся носом в окно.

Машина катила по прибрежному шоссе. Морской бриз приносил прохладу и свежесть. Разглядывая пейзаж за окном, Синьцянь постепенно успокоился.

Пожалуй, это была самая комфортная съёмочная площадка в его жизни.

Локацией служил живописный остров, Ло Юаньцзе никуда не торопился и составлял расписание без спешки. После смены они могли спокойно прогуляться по острову или собраться вместе за ужином. Не съёмки, а настоящий курорт.

Закусочная, куда они приехали, славилась лучшими морепродуктами на острове. Они прибыли в самый разгар ужина: вся парковка перед заведением была забита машинами, а за простыми столами на улице не оставалось свободных мест. Официант с вальяжным видом хозяина жизни провёл их в отдельный кабинет и сунул меню.

Снаружи тянулся ряд аквариумов, где плескалась живая морская живность. Повар вылавливал заказ прямо на глазах у гостей, гарантируя абсолютную свежесть.

Синьцянь не слишком разбирался в морепродуктах, но даже он понял, что местный улов — высшего качества.

Гуидаки размером с тарелку, раки-богомолы длиной с предплечье, камчатские крабы величиной с человеческую голову... Синьцянь переводил взгляд с одного витринного аквариума на другой, совершенно не понимая, с чего начать.

— Четыре цзиня раков-богомолов с солью и перцем, — раздался за спиной знакомый голос.

Синьцянь обернулся: Ли Вэньсю уже стоял рядом и делал заказ.

Смутившись, юноша отступил в сторону, уступая ему место.

Тот подошёл ближе и продолжил:

— И ещё королевского краба. А также двух бостонских омаров — одного на пару, второго обжарить в воке.

Заметив крупного клиента, официант оживился и, выловив омаров, с энтузиазмом начал нахваливать гуидаков:

— Возьмите гуидака! Наши — самые крупные на всём побережье! Ни в Санья, ни в Циндао вы таких свежих и огромных моллюсков не найдёте!

Ли Вэньсю повернулся к Синьцяню:

— Будешь гуидака?

Это были первые слова, обращённые к нему после случившегося в номере.

И он спрашивает, будет ли он гуидака...

Синьцянь бросил взгляд на этого моллюска, чрезвычайно смахивающего на определённый мужской орган — толстого, сморщенного, ритмично пульсирующего в воде.

К горлу подступила лёгкая тошнота, и он честно признался:

— Я... пожалуй, воздержусь.

— Тогда не надо, — спокойно сказал Ли Вэньсю официанту.

Заказав ещё пару закусок и напитки, они вернулись в кабинет.

В кабинете Ло Юаньцзе вовсе беседовал со своей ученицей.

— В нашей индустрии женщин-режиссёров катастрофически мало. Даже в Голливуде процветает гендерная предвзятость, — долетел сквозь приоткрытую дверь мягкий голос Ло Юаньцзе. — Я рад твоим стремлениям, но ты должна быть готова к тому, что женскому режиссёрскому креслу достаётся куда больше испытаний, чем мужскому.

— Я понимаю, — кивнула Чэн Лисюэ. — По правде говоря, именно поэтому я и выбрала этот путь. Чем суровее условия, тем сильнее желание их изменить.

Не ожидая столь глубоких тем, Синьцянь замялся на пороге, не зная, уместно ли входить.

Но Ло Юаньцзе уже заметил их:

— Заказали?

Синьцзянь кивнул и зачитал список.

Они сели за стол. Серьёзные разговоры утихли, сменившись неторопливой болтовнёй о всяких мелочах.

Вскоре подали блюда. Разговоры окончательно смолкли — все увлеклись едой.

Пусть заведение выглядело неказисто, а персонал не отличался радушием, готовили здесь божественно.

Омары и крабы, приготовленные в лучших традициях китайской кухни, обладали сочным, нежным и невероятно свежим мясом, превосходя всё, что Синьцзянь пробовал раньше.

Но больше всего юноше пришлись по вкусу раки-богомолы с солью и перцем. Он никогда не видел столь гигантских экземпляров: длинные, сочные, сладковатые и с икрой. Единственным минусом был их панцирь — твёрдый, с острыми шипами, о которые было легко пораниться.

Расправившись с двумя раками, Синьцзянь взялся за третий и тут же укололся об острый шип на клешне.

Острая боль заставила его отдёрнуть руку.

— Что такое? — заметил Ли Вэньсю.

— Ничего, — Синьцзянь вытер пальцы салфеткой, не придав этому значения. — Укололся немного.

Он решил, что это пустяк, но на подушечке пальца проступила красная точка, а при нажатии отзывалась острая боль — похоже, крошечный шип застрял внутри.

Отложив раков, Синьцзянь переключился на другие блюда.

К счастью, всё было вкусно, хоть и требовало ловкости рук и крепких зубов.

Ло Юаньцзе тоже пришлось несладко: он долго и безуспешно сражался с крабовой клешнёй.

Заметив это, Ли Вэньсю ополоснул руки и ловко очистил для него свежую клешню.

Режиссёр просиял:

— Не ожидал, что дождусь от тебя такой заботы!

Ли Вэньсю отшутился:

— К вашим услугам, господин Ло.

Затем он вытащил мясо из клешни омара для Чэн Лисюэ, подложил ей крабовое мясо общественными палочками... и взял очередного рака-богомла.

Минуту спустя Се Синьцяннь озадаченно разглядывал очищенное мясо рака, появившееся на его тарелке.

Ли Вэньсю вытирал руки влажной салфеткой. Нагнув голову, он посмотрел на юношу с лёгким прищуром:

— Разочаровался?

— Нет, — Синьцяннь качнул головой и отправил в рот кусочек, подготовленный Ли Вэньсю.

И правда... безумно вкусно.

<http://bllate.org/book/19727/1985711>